

УДК 342.7

DOI 10.25688/2076-9113.2022.45.1.03

Ю. В. Куракина

Институт права и управления Московского городского педагогического университета, Москва, Российская Федерация

E-mail: Kurakina_jv@mail.ru

ПРАВА РЕБЕНКА: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ

Аннотация. Целью проведенного исследования стало выявление категории, наиболее полно характеризующей права ребенка.

Исследование основано на общенаучном диалектическом методе познания. Обще-научные и частно-научные методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой метод позволили рассмотреть права ребенка с точки зрения некоторых философских и правовых категорий. Все представленные особенности позволяют увидеть много-аспектный характер исследуемого явления.

Высказывается точка зрения о том, что наиболее точно передает сущность понятия «права ребенка» категория «возможность». Все остальные категории — «потребность», «юридическая конструкция», «правомочие» как наиболее часто встречающиеся при определении понятия «права ребенка» — выходят за рамки правового регулирования либо отражают лишь часть явления и относятся к характеристике субъективных прав ребенка.

Значимость исследования состоит в выработке подхода к определению понятия «права ребенка», наиболее полно отражающего его основные характеристики.

Ключевые слова: права ребенка; права человека; потребность; возможность; юридическая конструкция; правомочие.

Введение

В теории прав человека до сих пор нет единого подхода к определению термина «права ребенка». Бесспорно, данная категория не нуждается в законодательном закреплении, так как относится к правовым понятиям, многогранное значение которых дает возможность ученому приумножать научное знание, а законодателю — оперативно реагировать на изменяющиеся общественные отношения, динамично создавая необходимые правовые нормы.

Однако понимание сущности явления невозможно без определения его понятия. Поскольку гуманитарные науки допускают многообразие в понимании явлений, их характеристику с различных точек зрения, то, как правило, возникают и различные варианты определения одного и того же понятия. С одной стороны, это позволяет посмотреть на явление с предложенных сторон, но, с другой стороны, содержит вероятность неточного понимания термина, его существа, характеризующих признаков и свойств. Последний аргумент имеет принципиальное значение для законодательной деятельности: включение в нормативный правовой акт нормы-дефиниции требует от законодателя точной формулировки, в некоторых случаях не допускающей расширительного толкования. Такая же необходимость возникает при преподавании учебной дисциплины «Права человека», изучающей права ребенка в качестве самостоятельной темы, а также специальных курсов «Права ребенка», где требуется наиболее точное определение понятия, включающее в себя признаки, наличие которых не вызывает сомнения. Такой формат присущ учебной дисциплине и предполагает заключение на основе различных подходов определенного вывода, на котором впоследствии и будет основываться понимание обучающимися предмета изучения. Задачей настоящего исследования является комплексный анализ некоторых философских и правовых категорий, наиболее часто используемых при определении понятия «права ребенка».

Материалы и методы

В процессе рассмотрения данной темы применялся общенаучный диалектический метод познания. Общелогические приемы — анализ и синтез, частно-научный сравнительно-правовой метод — позволили выявить наиболее часто встречающиеся категории, с помощью которых исследователи определяют понятие «права ребенка», и сделать вывод о недостаточности или избыточности их значения.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых и правозащитников, специализирующихся на исследованиях в области защиты прав ребенка. Среди них можно назвать работы Т. Н. Балашовой, Н. Е. Борисовой, И. Ю. Носовой, Ф. М. Рудинского, О. Ю. Рыбакова, Э. Чиж. Для проводимого исследования важное значение имели работы ученых по смежным

темам как юридического, так и неюридического профиля: А. А. Ананьевой, А. И. Самсина, Л. С. Рубинштейна.

Нормативной базой исследования выступили Конвенция ООН о правах ребенка и Конституция Российской Федерации.

Основное исследование

При рассмотрении категории «права ребенка» исследователи, как правило, начинают с определения понятия «ребенок», выделяя все возможные значения, присущие данному термину. Следует согласиться с Т. Н. Балашовой, которая предлагает универсальное понятие «ребенок» использовать на международном и национальном уровне для защиты прав и интересов детей [3, с. 35]. Все известные понятия: «дети», «подросток», «новорожденный», «малолетний», «несовершеннолетний» — имеют значение для социальных связей и характеристики только части прав, присущих ребенку, а именно субъективных прав. Думается, что ребенок, помимо субъективных прав, обладает еще и правами человека, поэтому категория «права ребенка» в этом смысле является обобщающей. В настоящей статье за основу берется определение, предложенное в Конвенции ООН о правах ребенка, в котором ребенком называется «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»¹.

В научной и учебной литературе права ребенка рассматривают в связи с множеством категорий и понятий и выстраиваемый синонимичный ряд подтверждает неоднозначность данного термина. Какое понятие наиболее полно соответствует характеристикам прав ребенка? Можно ли отождествлять права ребенка с понятиями «юридическая конструкция», «правомочие», «потребность», «возможность» и определять таким образом их значение? Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, следует разобраться со смыслом данных понятий.

Права ребенка и юридическая конструкция. Интересное мнение содержится в статье Д. Абдулхайрзоды, которая предлагает считать категорию «права ребенка» юридической конструкцией [1, с. 9]. Данная формулировка видится небезупречной и вот почему. Юридическая конструкция предполагает наличие жесткой структуры, определенной совокупности элементов, представляющей собой своего рода систему, которая не может быть нарушена. Отсутствие одной из частей конструкции влечет за собой ее полное разрушение.

Бесспорно, права ребенка — это система прав, однако так ли она неподвижна? Существует методический прием, используемый при объяснении сложности и взаимозависимости элементов внутри системы прав человека.

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.11.2021).

В его основе лежит предложение, адресованное слушателям, — отказаться от одного из прав, которое, как они считают, может быть наименее значимо, а потому и наименее востребовано. В абсолютном большинстве случаев такого права не существует — все права одинаково значимы, и отказ от одного из них влечет за собой неизменное ущемление других прав. В этом смысле система прав человека, как и система прав ребенка, отличается устойчивостью. Однако данные системы принадлежат к так называемым открытым системам, предполагающим постоянное развитие и пополнение новыми элементами. Возникновение новых прав человека, в том числе и прав ребенка, является доказательством подвижности системы, но не жесткости юридической конструкции.

Юридическая конструкция — это определенная абстрактная модель, набор типичных элементов, которые могут иметь разное наполнение. А. А. Ананьева называет юридической конструкцией «выверенную типовую схему с целью решения конкретных правовых ситуаций» [2, с. 146], и с таким мнением следует согласиться. Вполне возможно предположить, что права ребенка являются частью юридической конструкции. При этом самой юридической конструкцией выступает правоотношение, а частью ее содержания — права ребенка, в частности субъективные права ребенка как участника конкретного правоотношения — гражданского, семейного и других видов правоотношений. Но права ребенка — это явление, не ограничивающееся субъективными правами, следовательно, и юридическая конструкция как категория не вполне выражает сущность прав ребенка.

Права ребенка и правомочия. Определяя черты концепции прав ребенка, О. А. Бондаренко определяет исследуемую категорию в том числе как «правомочия, вытекающие из достоинства и неповторимости ребенка как человеческой личности» [5, с. 46]. С точки зрения теории права «правомочие — это не более чем элемент субъективного права» [8, с. 101], включающий право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование. Например, реализуя свое право на труд, ребенок осуществляет действия, которые являются право-поведением — с определенного возраста он заключает с работодателем трудовой договор, при этом несовершеннолетний имеет право и на чужие действия — право-требование — право требовать от работодателя соблюдения всех норм законодательства, устанавливающих особое положение несовершеннолетнего работника. В случае нарушения своих трудовых прав ребенок имеет право обратиться к компетентным органам за защитой — право-притязание, также трудовые права несовершеннолетних включают и право-пользование, вытекающее из данного права, — 31 день очередного оплачиваемого отпуска преимущественно в летний период.

Правомочие, несомненно, есть часть явления «права ребенка», непосредственно отвечающая за его реализацию, но само явление видится гораздо шире. Н. Е. Борисова, ссылаясь на положения Конституции Российской Федерации, обращает внимание на то, что ребенок, его права и свободы являются высшей ценностью [6, с. 73]. Международное закрепление и последующая имплементация

этих положений в законодательство разных стран говорят о ценности прав ребенка, признанной мировым сообществом, что, конечно, не ограничивается их субъективной составляющей.

Права ребенка и потребность. Междисциплинарный характер проблемы потребностей человека позволяет экстраполировать некоторые их свойства и в правовую сферу. Довольно часто встречается определение потребностей как состояния личности в конкретный период ее жизнедеятельности.

Л. С. Рубинштейн называет потребностью «состояние индивида при нужде в условиях жизни, предметах и объектах, без которых невозможно его существование и развитие» [11, с. 562]. А. И. Самсин указывает на «состояние социального субъекта (личности, социальной группы, класса, общества), которое отражает необходимость в тех или иных предметах, условиях, действиях, направленных на обеспечение его существования и жизнедеятельность» [14, с. 53], Л. А. Беляева — как на «переживаемое человеком состояние внутреннего напряжения, возникающее вследствие отражения в сознании нужды (нужности, желанности чего-то) и побуждающее активность человека» [4, с. 38].

Если исходить из представленных положений, то становится очевидной взаимосвязь состояния личности и условий ее существования и развития. Наличие прав ребенка в этом смысле отражает условия, которые обеспечиваются государством. Уместно будет обратиться к иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу, и провести некоторые параллели. Так, например, физиологические потребности ребенка обеспечиваются правом на заботу со стороны родителей; потребность в безопасности — правом на защиту; потребность в любви и принадлежности — правом жить и воспитываться в семье, правом на имя, уважением человеческого достоинства; потребность в творчестве и познании — правом на всестороннее развитие, правом на образование и т. д.

Э. Чиж, определяя концептуальные основы деятельности в сфере защиты прав ребенка, утверждает, что «права детей — это нечто иное, чем его основные потребности: не существует права на воспитание в счастливой семье или права на любовь, хотя это необыкновенно важные потребности каждого человека» [15]. Следует согласиться с данной точкой зрения, так как потребности ребенка действительно шире его прав и не все они, в силу своей специфики, могут быть обеспечены правом, например потребность в дружбе, любви, поиске смысла жизни. Получается, что, характеризуя права ребенка через термин «потребность», исследователь берет в расчет лишь некоторые состояния индивида, которые могут быть удовлетворены с помощью правовых средств, тем временем не учитывая все возможные состояния.

Еще одно отличие потребности от права кроется в самом субъекте-носителе. Потребность производна от самого человека, исходит из его существа, заставляет его действовать, и право с точки зрения его естественной природы вполне вписывается в этот процесс. Однако гарантировать реализацию и защиту прав ребенка может только государство, собственно, оно же и устанавливает

как сами права, так и механизмы, обеспечивающие их [16, с. 70]. Другими словами, потребности порождаются человеком и исходят от него, права же, несмотря на их естественный и неотчуждаемый характер, все же нуждаются в признании государством и установлении определенного порядка и условий их реализации.

Права ребенка и возможность. Философский характер категории «возможность» позволяет трактовать ее как тенденцию, условие, необходимость, присущую каждому явлению, находящемуся в развитии; это то, что впоследствии станет действительностью. В комментариях философско-терминологического словаря содержится утверждение, что «категория возможности фиксирует объективную тенденцию развития существующих явлений, наличие условий их возникновения или, как минимум, отсутствие обстоятельств, препятствующих этому возникновению» [9].

Определение понятия «права человека» вообще и «права ребенка» в частности, как правило, происходит через категорию «возможность», и эта тенденция вполне объяснима: перечень прав человека и прав ребенка в нормативных правовых актах предполагает создание условий, позволяющих эти права реализовывать. Например, закрепление в законодательстве права ребенка на образование обеспечивается целой системой мер: созданием образовательных учреждений, укомплектованием их штата квалифицированными кадрами, материальными ресурсами, средствами обучения, методическим сопровождением, задействованием системы контроля и надзора за качеством образования, разработкой федеральных государственных образовательных стандартов; право ребенка на отдых и досуг предполагает рациональное распределение учебного времени в соответствии с санитарными правилами и нормами, создание системы детских оздоровительных учреждений, где безопасности, здоровью детей уделяется особое внимание. То есть речь здесь идет прежде всего об обеспечении возможности, ее развитии и способности стать действительностью.

Ф. М. Рудинский делает вывод, что «всякое право личности, включая права человека, является ее возможностью совершения поступков или воздержания от них» [12, с. 41]. Л. И. Глухарева, характеризуя права человека как юридическое понятие, говорит о «выражении возможностей личности иметь, пользоваться и приобретать материальные, социальные и духовные блага для удовлетворения своих разнообразных интересов и потребностей» [7, с. 25]. И. Ю. Носова прямо называет правами несовершеннолетних «возможности использования ребенком наиболее существенных благ, защиты его жизненных интересов» [10, с. 18]. На значимость видов и объемов возможностей ребенка в рамках его правового статуса обращает внимание О. Ю. Рыбаков [13, с. 40].

Здесь видится другой аспект возможности — ее самостоятельная реализация, однако во всех ли случаях ребенок, например младенец, может сам реализовывать свое право? За ребенка это делают родители (законные

представители) — лица, которые прямо заинтересованы в его развитии и благополучном существовании. То есть получается, что не всегда осознание самой возможности субъектом права обязательно для ее реализации, достаточно переложить эту функцию на лиц, которые смогут ее полноценно реализовать на благо своего подопечного.

Вероятно, здесь будет более уместна категория «потребность», которая в самом примитивном ее понимании предполагает нужду. Ребенок нуждается в обеспечении его физиологических потребностей, заботе и защите со стороны родителей, не осознавая при этом всего спектра возможностей, которые предоставляет ему государство. Конечно, с возрастом это осознание приходит, и у ребенка появляются потребности другого уровня, предполагающие непосредственное осмысление и осознание уже возможностей. Напрашивается разделение прав ребенка в зависимости от сформированной способности осознавать возможности. Мы полагаем, такая классификация может существовать в рамках теоретического знания, но на практике она теряет смысл, поскольку взросление ребенка происходит индивидуально и зависит от многих факторов неправового свойства. Более того, выделить момент перехода потребностей в возможности с правовой точки зрения вряд ли получится, поэтому разумнее при определении понятия «права ребенка» отдать предпочтение категории «возможность».

Результаты и обсуждения

Рассмотрение в данной статье лишь нескольких категорий, употребляемых при определении понятия «права ребенка», продиктовано ограниченным объемом работы. Предмет исследования, несомненно, подлежит дальнейшему изучению и анализу. Выбор категорий «юридическая конструкция», «правомочие», «потребность» и «возможность» обусловлен их наиболее частой повторяемостью в трудах, посвященных защите прав, свобод и интересов ребенка. Стоит заметить, что само определение понятия «права ребенка» встречается не часто, отождествление с той или иной категорией происходит в рамках выявления признаков понятия, например в работах О. А. Бондаренко, И. Ю. Носовой, Э. Чиж. Как правило, исследователи отдельное внимание уделяют значению понятия «ребенок», что в дальнейшем обуславливает и направление их научного поиска.

Что же касается категории «возможность», то ее употребление в качестве основополагающей характеристики понятий «права человека» и «права ребенка» можно встретить в трудах Л. И. Глухаревой, Ф. М. Рудинского, О. Ю. Рыбакова и других ученых-теоретиков; думается, это неслучайно. Как философская категория возможность напрямую связана с необходимостью, развитием и свободой, определяющими ее сущность. Все эти характеристики в полной мере свойственны правам человека вообще и правам ребенка в частности.

Выводы

Таким образом, употребление при определении понятия «права ребенка» категорий «юридическая конструкция» и «правомочие» ограничивает его значение характеристикой только субъективных прав ребенка как участника конкретных правоотношений. Категория «потребность» является более объемной, так как подразумевает наличие явлений, не подлежащих правовому регулированию.

Наиболее точно передает значение понятия «права ребенка» категория «возможность», предполагающая не только создание условий для реализации ребенком своих прав, но и свободу выбора варианта поведения. Эти возможности детерминированы уникальностью личности, достоинством ребенка и необходимостью его особой защиты как на национальном, так и на международном уровнях.

Литература

1. Абдулхайрзода Д. Права ребенка как юридическая конструкция // Вестник Науки и Творчества. 2018. № 7 (31). С. 8–10.
2. Ананьева А. А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия // Известия Иркутской государственной юридической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 141–148.
3. Балашова Т. Н. Соотношение понятий «ребенок» и «несовершеннолетний» в законодательстве и научной литературе // Закон и право. 2019. № 11. С. 32–36.
4. Беляева Л. А. Человек и его потребности: учеб. пособие. Екатеринбург, 2009. 165 с.
5. Бондаренко О. А. «Интересы ребенка» как правовая категория // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 44–49.
6. Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в сфере конституционной реформы 2020 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 71–77.
7. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юрист, 2003. 304 с.
8. Железняк Н. С., Тетерятников Н. Ю., Леонтьева Ю. В. Соотношение полномочий и правомочий в теории права и оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99–104.
9. Малышевский А. Ф. Философско-терминологический словарь. Калуга: Гриф, 2004. 329 с.
10. Носова И. Ю. О понятии и классификации прав ребенка // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 18–21.
11. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
12. Рудинский Ф. М. Понятие и содержание прав человека // Наука прав человека и проблемы конституционного права. М.: ТФ «Мир», 2006. 1234 с.
13. Рыбаков О. Ю. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения: монография / О. Ю. Рыбаков и др.; под ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2021. 424 с.

14. Самсин А. И. Социально-философские исследования потребностей. М.: Высшая школа, 1987. 158 с.
15. Чиж Э. Права ребенка. Варшава: Хельсинкский фонд по правам человека, 2000. 189 с.
16. Bogdan M. Comparative law. Goteborg: Kluwer, 1994. 245 p.

Literatura

1. Abdulxajrzoda D. Prava rebenka kak yuridicheskaya konstrukciya // Vestnik Nauki i Tvorchestva. 2018. № 7 (31). S. 8–10.
2. Anan'eva A. A. «Yuridicheskaya konstrukciya»: k voprosu ob opredelenii ponyatiya // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2016. T. 26. № 1. S. 141–148.
3. Balashova T. N. Sootnoshenie ponyatij «rebenok» i «nesovershennoletnij» v zakonodatel'stve i nauchnoj literature // Zakon i pravo. 2019. № 11. S. 32–36.
4. Belyaeva L. A. Chelovek i ego potrebnosti: ucheb. posobie. Ekaterinburg, 2009. 165 s.
5. Bondarenko O. A. «Interesy` rebenka» kak pravovaya kategoriya // Pravovaya paradigma. 2017. T. 16. № 1. S. 44–49.
6. Borisova N. E. Deti kak prioritet gosudarstvennoj politiki v sfere konstitucionnoj reformy` 2020 goda // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 71–77.
7. Gluxareva L. I. Prava cheloveka v sovremennom mire (social'no-filosofskie osnovy` i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie). M.: Yurist`, 2003. 304 s.
8. Zheleznyak N. S., Teteryatnikov N. Yu., Leont'eva Yu. V. Sootnoshenie polnomochij i pravomochij v teorii prava i operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti // Obshhestvo i pravo. 2020. № 1 (71). S. 99–104.
9. Maly'shevskij A. F. Filosofsko-terminologicheskij slovar`. Kaluga: Grif, 2004. 329 s.
10. Nosova I. Yu. O ponyatii i klassifikacii prav rebenka // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 4. S. 18–21.
11. Rubinshtejn L. S. Osnovy` obshhej psixologii. SPb.: Piter, 2000. 712 s.
12. Rudinskij F. M. Ponyatie i sodержanie prav cheloveka // Nauka prav cheloveka i problemy` konstitucionnogo prava. M.: TF «Mir», 2006. 1234 s.
13. Ry`bakov O. Yu. Bezopasnost` detstva: social'ny`e problemy` i pravovy`e sposoby` ix resheniya: monografiya / O. Yu. Ry`bakov i dr.; pod red. O. Yu. Ry`bakova. M.: Prospekt, 2021. 424 s.
14. Samsin A. I. Social'no-filosofskie issledovaniya potrebnošej. M.: Vy`sshaya shkola, 1987. 158 s.
15. Chizh E`. Prava rebenka. Varshava: Xel'sinskij fond po pravam cheloveka, 2000. 189 s.
16. Bogdan M. Comparative law. Goteborg: Kluwer, 1994. 245 p.

Yu. V. Kurakina

RIGHTS OF THE CHILD: REFARDING THE DEFINITION OF THE CONCEPT

Abstract. The purpose of the research was to identify the category that most fully characterizes the rights of the child.

The research is based on the general scientific dialectical method of cognition. General scientific and private scientific methods of analysis, synthesis, as well as the comparative legal method made it possible to consider the rights of the child from the point of view of certain philosophical and legal categories. All the presented features allow us to see the multidimensional nature of the phenomenon under study.

The point of view that the category of “opportunity” most accurately conveys the essence of the concept of “rights of the child” is expressed. All other categories such as “need”, “legal structure”, “authority”, as the most frequently encountered in the definition of the concept of “rights of the child”, go beyond legal regulation, or reflect only part of the phenomenon and relate to the description of the children’s subjective rights.

The significance of the research lies in the development of an approach to the definition of the concept of “rights of the child”, which most fully reflects its main characteristics.

Keywords: rights of the child; human rights; need; opportunity; legal structure; legal power.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2021;
одобрена после рецензирования: 12.01.2022;
принята к публикации: 14.01.2022.

The article was submitted: 10.12.2021;
approved after reviewing: 12.01.2022;
accepted for publication: 14.01.2022.